

Производственное управление взамен райкома партии

Но настоящей сенсацией мартовского (1962 года) Пленума ЦК стала не шумная анти-травопольная кампания, а начало преобразования властных структур на селе, передача полномочий от райкомов партии, руководящих, по словам отца, «всем и вообще», профессионалам-менеджерам, межрайонным производственным колхозно-совхозным управлениям. К производственным управлениям отходили не только планирование производства и контроль исполнения, но и подбор кадров, пропаганда передового опыта, другими словами – вся реальная власть. Заработную плату работников управлений отец предлагает сделать скользящей, поставить в зависимость от успешности их работы, от реальных урожаев, привесов мяса и удоев молока. И подчинить их, минуя обкомы, напрямую республиканскому руководству, создать там специальную структуру во главе с секретарем местного ЦК, а ежедневные заботы возложить на одного из заместителей главы союзной или автономной республики. В будущем, считал отец, с райкомами можно будет вообще распрощаться, административное деление страны переключить под новые производственные управления. Разместить их отец предложил не в райцентрах (они же «межрайонные»), а в селениях, не занятых существующими властными структурами. Он не скрывал своих опасений: «Секретари райкомов – люди хваткие, попытаются превратить эти органы в бюрократическую надстройку, вернее, пристройку к райкому». Он предостерегал от «двоевластия в управлении сельским хозяйством», в межрайонном управлении секретарю райкома партии отводилась подчиненная роль. Он лишился права командовать, теперь его удел – помогать главе управления, менеджеру, и заниматься агитационно-массовой работой.

Производственное управление, если проводить аналогию с промышленностью, становилось своего рода сельским совнархозом. Они займутся «не поборами, выметая подчистую из крестьянских амбаров выращенный урожай, а организуют производство продуктов сельского хозяйства на основе заказов, контрактации. Тогда и производитель, и государство будут заранее знать, каким количеством продуктов и в каком ассортименте они распорядятся на год или на годы вперед», – объяснял суть своего плана отец.

– Управления не должны, – продолжает он, – определять, сколько и каких культур сеять, кого рекомендовать председателем колхоза.

Тут приходит на ум записка Худенко. Напомню читателям ее суть: колхоз или совхоз распоряжается своей землей, а государству отдает неизменную на годы вперед долю своей прибыли, другими словами, налог-оброк. Мысли отца работают в том же направлении.

Пленум привычно аплодировал отцу и также привычно проголосовал «за», но, как много позже писал неплохой журналист Анатолий Стреляный: «Бюрократия не простила этого Хрущеву и выдавала вполне невинные опыты чуть ли не за покушение на устои».

Но это и было покушением на устои! Сельским райкомам предлагалось уступить власть Управлениям. А еще пять лет тому назад совнархозы начали оттеснять обкомы от управления промышленностью. Профессионалы-менеджеры постепенно заменяли партийных руководителей. Из категории вождей они переходили в категорию помощников. Смириться с этим секретари обкомов и райкомов не могли и не хотели.

Собственно, на этом мартовском Пленуме ЦК и обозначилась трещина между отцом-реформатором и стремившейся к «стабильности» партийной бюрократией. Отец призывал к

обновлению страны, они же мечтали о возврате к патриархальному партийному единовластию.

Сейчас очевидно, что первый блин вышел у отца комом, многое из провозглашенного им так и оставалось на бумаге, многое еще предстояло домыслить. Обкомы и райкомы не собирались сдавать позиции. А реальная власть, и не только на местах, сосредотачивалась в их руках. Пленум ЦК тоже контролировали секретари обкомов. В решительный момент они определяют и судьбу страны, и судьбу Хрущева.

Отец все это осознал, но считал, что делают они одно дело, что они – единомышленники и интересы страны для них превыше всего остального, даже личной власти. К столкновению с собственной бюрократией он оказался не готов. В марте 1962 года ткнул палкой в «осиное гнездо», внес в ряды бюрократии раздражение и, что важнее, настороженность.

День за днем

С начала 1962 года Советский Союз – член Интервидения, международного соглашения об обмене телевизионными программами, пока в ограниченных рамках: мы принимаем политически нейтральные передачи от «них», и сами отсылаем «им» то, что «они» сочтут идеологически приемлемым.

В январе 1962 года вышел в свет роман Юрия Бондарева «Тишина». Произведение об эпохе сталинизма, куда более острое, чем запомнившаяся всем повесть Дудинцева «Не хлебом единым». Но времена всего за шесть лет переменялись почти до неузнаваемости: то, что тогда считалось крамолой, сейчас встречалось всеобщим одобрением.

В январе 1962 года объявили о снижении цен на часы.

Снижение заранее поднятых на запредельную высоту цен – гениальное сталинское изобретение. Однажды установленные высокие цены людьми не воспринимаются как бедствие, а вот их ежегодное снижение, пусть и на малую толику, – благодеяние властителя. Неслучайно снижением цен, а не делом врачей, нарастающим антисемитизмом и угрозой новой волны всеобщих репрессий запомнился большинству современников сталинский период 1947–1953 годов.

Отец совершенно напрасно пренебрегал этим эффективным пропагандистским приемом, считал, что дело говорит само за себя, магазины наполняются товарами, рассасываются очереди, люди переезжают в новые квартиры. Все это очень быстро забывалось, запоминалось, что цены чаще росли, чем падали. Так уж устроена реальная экономика, деньги со временем дешевеют, цены подрастают, а за ними подтягивается и заработная плата. Такой процесс наука называет инфляцией.

В исторической памяти отложилась «хрущевская» инфляция реальных цен и, в противовес ей, «сталинское» снижение пусть и первоначально взятых с потолка, но отчетливо прописанных в ценниках цен.

Цены на часы снизили не из пропагандистских соображений, а по требованию экономики. Их в стране производилось много, очень много, слишком много. Из предмета относительной, бедняцкой роскоши, они превратились просто в прибор, показывающий время. Цены же еще держались на старом уровне, вот их и понизили. Общественного значения

эта акция не имела, большинство населения цены на часы интересовали мало.

14 января вступил в строй нефтепровод «Дружба». Труба большого диаметра пересекла Карпаты и достигла Братиславы. Отсюда она разветвлялась, одна нитка шла в Германию и Польшу, другая – в Венгрию.

19 января 1962 года в Москве впервые исполняется Четвертая симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

10 февраля 1962 года в Берлине обменяли пилота американского шпионского самолета У-2 Гарри Пауэрса на арестованного в Нью-Йорке полковника советской разведки Рудольфа Абея (Вильяма Фишера).

В феврале 1962 года отец отдыхает на мысе Пицунда в Абхазии, если можно назвать отдыхом целую серию совещаний по ключевым вопросам, определившим нашу стратегию на будущее в ракетных делах, космосе, давшим «добро» лунной программе. Я тогда работал у наиболее успешного и плодovitого, по моему мнению, нашего ракетчика Владимира Николаевича Челомея и там тоже поприсутствовал. Происходившее на совещании я подробно описал в своей книге «Рождение сверхдержавы».

Отдохнув и отсовещавшись, отец в конце февраля возвращается в Москву, по дороге завернув на пару дней в Курск, в Калиновку.

5 марта 1962 года на экраны выходит кинофильм Михаила Рома «Девять дней одного года» о физиках и лириках, о подвиге – и всё вместе о по-настоящему хорошем человеке. В отличие от «сталинского» «правильного» человека без пятнышек и недостатков, теперешний «хороший» человек – просто человек, и ничто человеческое ему не чуждо.

16 марта 1962 года отец подписал Постановление ЦК и Совета Министров о строительстве Биологического центра на Оке. Его замыслили еще в середине 1950-х. Сначала академик Несмеянов, президент Академии наук, хотел разместить вновь создаваемые биологические академические институты на Ленинском проспекте в Москве, но городские власти воспротивились, Москва и так перенаселена научными заведениями. Отец поддержал москвичей. И тут возникло на горизонте Пушино. Но в 1957 году Несмеянову «перебежал» дорогу Лаврентьев, перехватил у него финансирование, оттянул средства на строительство «своего», Сибирского отделения Академии наук.

Тем временем Несмеянова сменил Келдыш, и еще какое-то время ушло на вникание нового президента-математика, в общем-то, в далекую от него проблему. Вник, дело закрутилось, и теперь Пушино получило официальное свидетельство о своем рождении.

21 марта 1962 года газеты оповестили об еще одном экономическом эксперименте. В Сумской области образовали межколхозный кооператив для строительства крупных «промышленных» птицефабрик. Оснащались они американским и немецким оборудованием, лицензионной технологией и рецептурой кормов. Дело оказалось дорогое, и сумчане решили скинуться, объединить ресурсы нескольких колхозов. Сумская инициатива отца порадовала, он взял их, наравне с Худенко и другими экспериментаторами, на заметку.

Вечером 25 марта отец в Кремлевском дворце съездов на концерте оркестра Венской филармонии.

30 марта 1962 года отец заехал в КБ Николая Яковлевича Козлова «Прокатдеталь». Козлов еще месяц назад звонил ему, похвастался, что усовершенствовал свой метод изготовления железобетонных ребристых плит, теперь с экспериментального вибростана выходят сверхбольшие плиты. Кроме того, ему удалось сделать силовые ребра панелей много тоньше, и при этом они не осыпаются, не смазываются, держат углы, как стальные. В результате расход бетона значительно сократился, вес плит уменьшился, а значит, из тех же материалов можно произвести больше деталей домов и работать с ними теперь станет значительно удобнее и быстрее. Для строителей – огромное достижение, вот отец и решил посмотреть своими глазами на новое «козловское чудо».

От Козлова отец отправился на ВДНХ. Там для него и для других профессионалов развернули выставку строительной техники, а по соседству расставили последние модели грузовых автомобилей, автобусов, новый легковой «Москвич». Осмотрел отец и новый одноквартирный типовой дом для села или для агрогорода, кому какое название больше нравится.

26 марта отец сидит в президиуме 3-го Всесоюзного съезда композиторов, а 31 марта выступает там с никому не запомнившейся речью. Музыку он любил, но речь свою читал по писаному, тонкости творчества композиторов не входили в сферу его интересов. 31 марта отец в Кремле на приеме в честь композиторов, разговаривает, шутит, потом произносит тост. На приеме Шостакович приглашает отца вместе сходить 2 апреля на посвященный съезду итоговый концерт. Отец приглашение с готовностью принимает.

1 апреля отец присутствует на открытии 2-го Международного конкурса музыкантов имени П. И. Чайковского.

6 апреля 1962 года Лысенко покидает пост президента Всесоюзной сельскохозяйственной Академии. На сей раз его не освобождают, а он сам уходит. Его позиции укрепились настолько, что нет необходимости занимать официальный пост, все и так схвачено.

7 апреля 1962 года по телевидению показывают первый «Голубой огонек», «западническую» музыкально-развлекательную программу, ставшую одной из самых популярных на последующие сорок лет.

13 апреля 1962 года советское правительство по финансовым соображениям отказалось от проведения в Москве Всемирной выставки 1967 года.

21 апреля отец едет на московский завод «Калибр» посмотреть, как запускают в работу новый и первый в мире вибропрокатный стан непрерывного изготовления стеновых панелей. По заключению специалистов, изобретение Козлова много лучше аналогичного стана французской фирмы.

29 апреля 1962 года отец вместе с Косыгиным посещает комбинат химического волокна в подмосковном Клину. «Это буквально выставка из истории текстильного производства, начиная с 1930-х годов, когда построили комбинат, и до наших дней, – возмущается отец по возвращении в Москву. – Там стоят шесть старых станков, которые можно заменить одним современным. Каждый капиталист так поступает, периодически проводит перевооружение производства. Это дает огромную экономию. Но наш Госплан не только не способствует, а противодействует остановке

предприятий на модернизацию. Заставляет их “гнать план” по старинке. В Госплан люди устраиваются по знакомству, в тепленькое столичное местечко с хорошей зарплатой, сидят там десятилетия, буквально с рождения. Что от них ожидать? Следует усилить партийный и государственный контроль», – делает неожиданный вывод отец.

7 мая отец в Большом зале Консерватории на заключительном концерте победителей и призеров 2-го Международного конкурса имени Чайковского. В зале находится Ван Клиберн, победивший в предыдущем конкурсе. На сей раз первое место присуждают советскому пианисту Владимиру Ашкенази. В марте 1963 года, во время гастролей в Лондоне, он влюбится в англичанку и решит не возвращаться в Советский Союз. Так нам рассказывал отец. На самом деле в 1961 году Ашкенази женился на студентке Московской консерватории, гражданке Исландии Торун Тригвассон, чьи родители жили в Лондоне. Вскоре у молодоженов родился ребенок. В Лондон они поехали всей семьей. Там жена уговорила Ашкенази задержаться в Англии на неопределенный срок. В апреле Ашкенази попросил советского посла продлить его семье визу. Посольство запросило Москву. Любой невозвращенец, с «легкой» руки Сталина, становился предателем и, естественно, шпионом, со всеми вытекающими из этого последствиями. Такая же судьба ожидала и Ашкенази, но отец в зародыше погасил разгоравшийся скандал, распорядился выдать «молодому человеку» заграничный паспорт с бессрочной визой, пусть поживет за границей, а надумает вернуться домой – милости просим. Решение отца вызвало настоящий шок, но послушаться его не посмели.

8 мая отец на приеме в честь участников конкурса шутит, чокается шампанским, раздает автографы, приглашает Вана Клиберна в выходной заехать к нему на дачу в Горки-9.

8 воскресенье, 27 мая, солнечно и тепло. Отец показывал гостю сад, свои посевы. Клиберн застенчиво улыбался. Покончив с сельским хозяйством, отправились кататься на катере по Москве-реке. Затем отец учит Клиберна стрелять на стенде из ружья по «тарелочкам». У Клиберна не получается, и они оба заразительно смеются. День заканчивается домашним обедом на террасе резиденции: окрошка, отварной судак, клюквенный морс и квас. Гость заинтересовался окрошкой, попробовал и стал расспрашивать, как ее готовят. Отец ударился в пояснения, заминка произошла в первый же момент. Американец никак не мог понять, как делают квас. Пришлось углубиться в подробности. Что себе вообразил Клиберн, остается загадкой, но тарелку с экзотическим блюдом он вежливо отодвинул, и весь обед старательно отводил взгляд от стоявшего посередине стола кувшина с квасом. После обеда настроение гостя выправилось. Прощались они с отцом тепло, по-дружески. Отец шутливо осведомился: не хочет ли гость на дорожку стакан кваса?

Клиберн выкинул вперед руки, как бы отталкиваясь. – Квас – никогда, – произнес он. Оба расхохотались.

9 мая, в День Победы, на экраны выходит фильм Андрея Тарковского «Иваново детство», о войне, какой она видится ребенку, фильм пронзительный и сердечный. С него и начался Андрей Тарковский.

День Победы тогда считался праздничным, но рабочим днем, и отец в сопровождении других членов Президиума ЦК едет на Рижский

вокзал, на выставку железнодорожной техники. Паровозы еще не ушли, но уходили в прошлое, и мало кто вспоминал не столь уж давние стычки отца с Кагановичем на паровозо-тепловозную тему. На выставке заспорили, что эффективнее: тепловозы или электровозы. Отец не вмешивался, оба направления прогрессивны, пусть разбираются специалисты.

А вот за деревянные шпалы он железнодорожников изругал, весь мир уже три десятилетия пользуется шпалами из бетона, они долговечнее и дешевле. Мы же денег не считаем, строим дороги, как царь строил. Министр путей сообщения Борис Павлович Бещев пообещал исправиться. Бещев обещал легко. Он сидел в министерском кресле с 1948 года и к указаниям сверху относился философски. Но отец и его дожал. На бетонные шпалы железнодорожники со скрипом, но все-таки перешли.

26 мая 1962 года отец едет в Моссовет послушать архитекторов о планах застройки Москвы: первоочередном, до 1965 года и генеральном, уходящем в 1980-е годы. На макетах представлены: будущие Новый Арбат, Волхонка, Нагатино, проекты эстакад, школ, детских садов, комбинатов бытового обслуживания, магазинов. Снова заходит речь об этажности жилого строительства. Мнений много, но все, и отец в том числе, снова сходятся в одном – по крайней мере, для Москвы время безлифтовых пятиэтажек заканчивается. Следует готовиться к высокоэтажному строительству, просчитать, что выгоднее: девяти- или двенадцатиэтажные дома. Квартиры тоже начнут делать комфортнее, хорошо бы оборудовать их встроенной мебелью, а со временем отказаться от вызывающих столько нареканий совмещенных санузлов.

28 мая отец вместе с послом Карло Альберто Странео открывает в Сокольниках итальянскую выставку, обходит стенды, надолго останавливается у металлообрабатывающих станков и машин для выделки текстиля. Деловые отношения с Италией развиваются хорошо, в 1961 году товарооборот достиг 250 миллионов долларов. Это большие деньги, особенно если вспомнить, что еще пять лет тому назад торговля застыла на нуле.

30 мая отец с мамой идут на концерт американца Бенни Гудмана. Джаз не их музыка, но любопытство берет верх, вся Москва говорит об американской знаменитости. После концерта отец пожимает руку Гудману, благодарит за чудесное исполнение. Его мнения о джазе не переменялось, но политика есть политика.

4 июля на приеме в Американском посольстве в честь Дня независимости США, куда отец нагрянул нежданно-негаданно, не предупредив ни американцев, ни собственный протокол, он вновь пересекается с Бенни Гудманом. После того, как отец, столь же стремительно, как появился, покинет прием, Гудман расскажет американским журналистам, что они говорили о Моцарте, не о джазе.

В тот год вслед за Бенни Гудманом в СССР приехала американская балетная труппа, созданная и прославленная Джорджем Баланчиним-Баланчивадзе, бывшим солистом Мариинского театра, сыном композитора Мелитона Баланчивадзе, заложившего основы грузинской классической музыки. Баланчин – уехал из России в 1924 году, сначала работал в Париже, затем в Нью-Йорке. В Советский Союз на гастроли приехал впервые.